

И В ПАМЯТИ ЖИВОЙ ВСЕГДА ХРАНИТСЯ ОБРАЗ ТВОЙ

Среди множества колоритных личностей современной культуры Крыма с особыми чувствами и отношением вспоминается имя выдающегося писателя Анатолия Ивановича Домбровского. В нашей литературе это явление многогранное, удивительное и исключительное. Он представитель

поколения 30-х годов, по писательскому генезису его следует отнести к шестидесятиникам, и что самое главное — было бы ошибкой не внести его имя в когорту писателей-мудрецов последнего десятилетия XX века — обладателей особого, пророческому дара. И если в контексте установленных ценностных координат этого периода поискать равноценную фигуру по своему масштабу, колориту, глубине и ясности мыслеобразов, творческой плодовитости, рельефной выразительности героев его философских романов, то мы вынуждены будем включить сюда и имя нашего выдающегося земляка и современника. Критерии оценки его весомого творческого наследия, общественного темперамента и личного обаяния, на наш взгляд, следовало бы искать в ценностных параметрах античного «осевого» времени. Наряду с этим титанический писательский подвиг перекликается с деяниями гениев эпохи Возрождения. И, называя сегодня вещи своими именами, отвечая искренне и чистосердечно на вопрос «кто есть кто» на крымском постсоветском пространстве, мы обязаны отдельной строкой начертать имя А.И. Домбровского среди известных выдающихся писателей второй половины XX века. У меня нет также ни малейшего сомнения в том, что свет его пророческих идей с годами будет все ярче сиять на небосводе мировой литературы.

Небезызвестно, что в литературе, как и в других видах художественного творчества очень нелегко избежать влияния признанных метров, великих мастеров. Не каждый объективный беспристрастный эссеист сможет без предвзятости, шаблонов и штампов подойти к осмыслению и оценке индивидуальных черт литературного наследия современного писателя, избежать соблазна навсегда обоснованных сравнений и параллелей. А тем более для многих кажется даже необходимым и неизбежным всех великих писателей сравнивать с гениями прошлых эпох и творивших на крымской земле, где в ноосферном пространстве витают мысли. И тем не менее, несмотря на то, что на скрижалях истории и культуры золотыми буквами начертаны блестящие имена А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.С. Шмелева, С.Н. Сергеева-Ценского, А.С. Грина, М.А. Волошина и другие, А.И. Домбровскому удалось, одному из немногих, стать не похожим ни на одного, второго, третьего... из великих, а найти свою, уникальную, ни кем не занятую, свободную нишу на непростом, густо «заселенном» гениальными писателями литературном поле Крыма. Поэтому совсем не случайно ему одному из первых удалось заметить, а скорее почувствовать фальшивые звуки, что стали заполнять сознание социума в конце 80-х — начале 90-х годов, в период так называемой «перестройки», понятием неопределенным, темным, бессмысленным, которое очень скоро стало крайне не популярным не только в свое время, сейчас, но и в будущем. Под этим аморфным,

расплывчатым термином от макси-преобладающего большинства — страшный истинный скрытый смысл, имя которому — разрушение. О том, что приемы подмены смыслов применяют для сокрытия коварных планов используются во все смутные времена, писал еще М.А. Волошин. В одном из его блестящих стихотворений «Ангел мщения» читаем:

*Устами каждого воскликну я «Свобода!»,
Но разный смысл для каждого придам...*

В данном случае уместно вспомнить источник всех истоков — Библию, где в откровении от Иоанна говорится, что «...В начале было слово...». В нашей ситуации мы встречаем знакомый феномен, но с противоположным знаком. В Горбачевском «антиначале» оказалось то же слово — перестройка. Но это слово пришло к нам не от Бога, а, как оказалось с течением времени, когда все прозрели, — от лжепророка! И что за этим последовало в жизни нашего поколения, государства и целой системы, мы узнали из романов А.И. Домбровского «Падение к подножию пирамид», «Delirium, или Безысходность — род безумия» и других. Мы узнаем, что под этим фальшивым призывом в очередной раз под аккомпанемент подпевающего и поддакивающего большинства стремятся протащить ложную программу, деформирующую существовавший, пусть не идеальный, но понятный и оптимистичный мир социально-духовных ценностей. В галерее созданных писателем образов изображены наши современники, которые доносят к нам понимание главной трагедии, состоящей в том, что на самом деле под прикрытием словесной трескотни, вместо лучезарного Прометея факела, излучающего свет истины, культуры и созидательного прогресса, лжепророки в очередной раз обманым способом пытаются дать взамен тусклую свечу серости, потребительства, предпринимательства, стяжательства, а проще говоря, невиданного и неслыханного до сей поры наглого и циничного обмана. Такие мысли не случайно возникают после вдумчивого прочтения гениального романа «Падение к подножию пирамид». На мой взгляд, в этом произведении в яркой художественной форме создан поразительный по своему трагизму образ человека, падшего с нетривиальной, вполне определенной высоты, пронизанной пафосом прогресса, энтузиазма, созидания и надежды, — к подножию мнимого человеческого достоинства и бывшего величия, циклопических в прямом и переносном значении загадочных и лишенных человекосоизмеримого и, в конце концов, непонятого для современников элементарного смысла остатков, как уже установлено, умершей и ушедшей в небытие цивилизации. Причины падения которой остаются до сей поры неразгаданной загадкой и тайной. И в этом падении в прямом и метафорическом смысле слова социум и человек, как его частица, совершают не просто шаг назад, а фактический провал в безвременье. Удивительно, но факт, как на глазах одного поколения в течение пяти лет, с помощью бессмысленного слова, состоящего из таких же бессмысленных букв и слогов, удалось разрушить то, что создавалось десятилетиями. Осуществлен такой масштабный разрушительный замысел, равных которому невозможно найти ни в одной из самых разрушительных эпох за всю историю человечества. К сожалению, трагедиям личных судеб миллионов людей, проживающих на территориях независимых государств постсоветского пространства несть числа, и пока еще никто не увидел хотя бы слабый свет в конце туннеля. Учитывая, что творческие и художественные достоинства таланта Домбровского получили достаточное отражение в работах А. Потапенкова, А. Бахревского, В. Терехова и других, хотелось бы коснуться иных, не менее интересных составляющих многогранной личности писателя.

Так, мне неоднократно доводилось быть свидетелем его ярких публичных выступлений, где блестяще раскрывался его незаурядный ораторский дар. Всегда подкупало то, что он никогда не пользовался шпаргалками, говорил по неписанному. Вместе с тем, речь его ни на минуту не теряла основательных смыслообразующих конструктов, железной логики и красной связующей нити изложения. На трибуне он обладал приятным тембром голоса, выразительностью слога, легкостью и непринужденностью, которые органично дополняли артистизм и личное обаяние. Его беседы, диалоги, лекции всегда пользовались неизменным успехом.

Сам по природе новатор, он всегда живо поддерживал любые начинания в культуре. Нельзя не вспомнить, как ровно двадцать лет с огромным энтузиазмом была поддержана идея проведения Праздника славянской письменности и культуры. Он до последних дней был неизменным членом его оргкомитета. В журнале «Брега Тавриды» к этой дате была опубликована его статья о Кирилле и Мефодии.. На открытии праздника он выступил с блестящей и пламенной речью, и во многом его стараниями этот замечательный, глубокий культурный проект живет и поныне.

Другой пример касается открытия в журнале «Брега Тавриды» постоянной рубрики «Чеховские чтения». В 1995 году, возвратясь с очередного Чеховского форума, я поделился своими яркими впечатлениями с Анатолием Ивановичем и предложил опубликовать часть докладов в журнале. Он загорелся этой идеей и попросил пригласить для беседы Г.А.Шалюгина, директора Дома-музея А.П.Чехова в Ялте. После этой встречи появилась постоянная рубрика «Чеховские чтения», которая и сейчас является украшением этого литературного издания.

Известно, что родился писатель в простой деревенской семье в селе Ручьи Раздольненского района. Отец его Иван был деревенским мастером на все руки. Мне посчастливилось познакомиться с ним, когда в декабре 1994 года, в год 60-летнего юбилея писателя мы организовали творческую встречу на его родине, в Ручьевском доме культуры. Побывали в доме отца. Запомнились типичный сельский дом собственной постройки, чистота и аккуратность, без излишеств, достаточно света поступало через окна, и мозолистые, жилистые, обожженные солнцем и работой руки хозяина, который к этому времени жил один и сам вел все домашнее хозяйство. Несмотря на житейские трудности, он показался мне общительным, бодрым, без явных следов усталости. Когда я уяснил себе характер труда сельского умельца-слесаря, столяра, электрика, механика и, в случае надобности, кузнеца, с чем не понаслышке знаком с детства, у меня невольно сложился образ целеустремленного, настойчивого, уверенного, трудолюбивого, неустанного труженика. Для многих остается секретом, каким таким непонятным образом человеку удастся вернуть к жизни любые, необходимые в сельской жизни предметы быта и домашнего подворья. И невольно приходит справедливое сравнение, что труд его можно приравнять к высокому искусству. Я тогда разгадал одну причинно-следственную связь, которая составляет неразрывную цепь между родителями и детьми. Воспринимая все положительные основополагающие нравственные черты своих отцов и матерей, мы становимся теми, кем должны быть в этой жизни, не зависимо от обстоятельств и рода деятельности. И наш герой, опираясь на этот незыблемый фундамент, развивая свои творческие способности, стал поистине всеобъемлющим мудрецом в нашей

современной литературе. Да простит меня читатель за такое определение, но я осмелился сделать это по одной убедительной причине: уж очень показалось мне уместным вспомнить и процитировать отрывок из великолепного стихо-творения К.Бальмонта, которое называется «Кузнец»:

*...Я хочу быть кузнецом, я, работая, пою.
С запылившимся лицом я смотрю на жизнь свою.
Среди дыма и огня много слов я создаю.
Это радует меня — я кую!*

Леонид Белый,
академик КАН, доктор философских наук, член-корр. РАЕН, лауреат премии А.П.Чехова, поэт, член Союза русских, украинских и белорусских писателей АРК, зам. министра культуры АРК в бытность А. Домбровского
2009 г.